

Эволюция политического дискурса как реализация принципа семиотического ослабления признака

Санников Сергей Викторович, кандидат исторических наук.

Сибирский институт международных отношений и регионоведения,
г. Новосибирск, Новосибирская область, Россия

The article considers inversion of the principle of semiotic weakening of feature within evolution of political discourse. This inversion forms an empirical anomaly within a hypothesis of semiotics weakening of a sign as a general trend of cultural development. The author comes to a conclusion that the revealed inversion does not break a protective belt of the research program, and explains this anomaly by means of an auxiliary hypothesis of existence of specific semiotic principles operating within semantic (symbolical) type of culture.

Keywords and phrases: cultural evolution, semiotics of power, social evolution, semiotic weakening of feature, discourse of power.

Закон ослабления признака, сформулированный в работах Ю.С. Степанова [6] и С.Г. Проскурина [3], отражает семиотический принцип развития культурных феноменов от «сильного символа к слабому, а затем и к совсем слабому» [3, с. 106]. Данная семиотическая закономерность подтверждается материалом многочисленных лингвистических, юридических и культурологических исследований, опирающихся на широкий эмпирический материал [3].

Эволюция правовых институтов путем ослабления сильного семиотического действия (физического аспекта) в пользу ослабленного семиотического действия (символической, знаковой составляющей), на наш взгляд, достоверно фиксируется на материале источников. В частности, следуя предложенной С.Г. Проскуриным триаде «тождество – подобие – условность» можно выделить на материале архаического права три эволюционных фазы в формировании процедур разрешения конфликта:

1. Биологически полная релевантность: схватка как реализация «естественного права» на самозащиту, свойственного в равной мере миру животных и людей.

2. Биологически частичная релевантность: судебный поединок (широко известный из древнегерманского права «божий суд») – регламентированная форма поединка, в которой конкуренты не только связаны правилами ведения боя, но уже могут выставлять вместо себя

своих представителей, обеспечивая, таким образом, «ослабление» знака в семиотическом контексте.

3. Биологическая нерелевантность (условность) – древнеримский легисакционный процесс как эволюционный рудимент судебного поединка, сохранивший символические действия по возложению соперниками заостренных жезлов (изначально – копий) на объект их притязания. Поединок на данном этапе полностью переходит в сферу семиотическую, но сохранение элементов вооруженного противостояния (копий, жезлов), тем не менее, по-прежнему необходимо для совершения ритуала отправления правосудия.

Определенные затруднения возникают при попытке верификации семиотического принципа ослабления признака при изучении эволюции дискурса власти в рамках семантического типа культуры [5]. В частности, в отдельных случаях представляется затруднительным проследить реализацию описанного в работе С.Г. Проскурина принципа «падения кары» [3] на материале средневекового законодательства о преступлениях против институтов публичной власти. В ряде случаев семиотическая сила действий, устанавливаемых в качестве меры ответственности за преступления, совершенные против носителей публичной власти, возрастает в рамках процесса социальной эволюции, что может быть интерпретировано в качестве эмпирической аномалии по отношению к гипотезе о семиотическом «падении кар» в рамках эволюции правовых институтов.

Так, если в наиболее раннем англосаксонском памятнике обычного права, законах короля Этельберта, содержится норма, устанавливающая ответственность в форме уплаты штрафа за совершение преступления в доме, в котором пирует король, то в более позднем кодексе короля Альфреда предусмотрена уже более суровая санкция за подобное преступление, вплоть до смертной казни, на усмотрение короля [4, с. 85]. Если в соответствии с древнегерманской традицией оскорбление, нанесенное правителю, рассматривалось в том же судебном порядке, что и оскорбление, нанесенное рядовому члену общины, предполагая материальную ответственность обвиняемого, то в средневековом итальянском королевстве лангобардов за нанесение оскорбления королю в отношении обвиняемого могли применяться санкции, допускавшие нанесение тяжких увечий и осуществление физической расправы [4, с. 86].

Таким образом, при рассмотрении процесса эволюции правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений против публичной власти, прослеживается обратная тенденция – от

ослабленного семиотического признака к восстановлению тождества знака и действия (от судебного присуждения материальной выплаты к нанесению физических увечий и объявлению вне закона). Для уточнения причин развития данной тенденции необходимо более детально проанализировать характеристики эволюции публичной власти в качестве семиотического процесса.

Анализ семиотических составляющих ранних форм публичной власти, соответствующих «харизматическому» типу господства (по классификации М. Вебера [1]), позволяет отметить их сопряженность с формированием комплекса знаков, репрезентативом которых выступают соматические и психосоматические качества носителя власти. Политический дискурс формируется с использованием знаков-оповещений, обусловленных физическими и психологическими характеристиками носителя власти, через экспликацию специфических стигматов, символизирующих отличие носителя власти от рядового члена общества. Такими знаками, например, выступают длинные волосы представителей правящего рода Меровингов, острижение которых считалось действием, лишившим претендента на престол харизмы и возможности принять королевскую власть, что воспринималось как достаточно драматичное по своему значению событие. При этом право наследования власти возвращалось к претенденту на престол после того, как волосы отрастали снова. Физические характеристики правителя, таким образом, наделялись функцией знака, структура которого не допускала значительной операционности (власть не могла быть отделена от ее носителя, также как волосы не могли быть отделены от тела без утраты своего символического значения). Это свидетельствует о непреодолимом характере связи между явлением и его семиотической проекцией, что подтверждает сильный характер рассматриваемого семиотического признака.

На данном этапе эволюции публичной власти прослеживается действие ряда других семиотических закономерностей, в частности, подтверждение тезиса о том, что «в естественных знаковых системах человека существует семантическая связь между микрокосмом (органами тела человека и его внутренним, духовным миром) и макрокосмом (Землей, небом, светилами)» [6]. Обряд наделения властью отражает данную семантическую связь, когда само понятие «вознесения во власть» материализуется в иконическом знаке – ритуале поднятия правителя на щит (семантического возвышения) над головами присутствующих. Рассматриваемый принцип семантической связи прослеживается и в

архаическом наименовании правителя, который в средневековой скандинавской лексике получает наименование *hofding*, этимологически восходящее к германскому *hof*, *haupt* – «голова» [2, с. 451]. Данный титул приобретает характер иконического знака, демонстрирующего верховенство правителя над членами общества, подобное анатомическому верховенству головы над членами тела.

Харизма короля опирается на знаки (различного рода ауспиции, стигматы), и одновременно с этим сама начинает функционировать в качестве знака в нескольких знаковых системах (военной, религиозной и др.). Окружение ожидает от лидера военных побед, материальных благ, плодородия земли, что сопровождается возрастающей потребностью в репликации знака, возможности ослабления его физиологической релевантности. На данном этапе эволюции института публичной власти проявляются признаки операционности знака – как правило, в форме представлений о передаче харизмы через вещи правителя (передаваемые в рамках символической редистрибуции). Дистанция между социальным запросом в отношении возможности репликации знака и уровнем его реальной операционности, замкнутой в физиологических рамках, проявляется в известных из скандинавской истории «варварских» ритуалах расчленения тела правителя после его смерти с целью справедливого распределения харизмы между различными территориями его страны.

Одновременно с усложнением структуры социума и потребностью в институционализации полномочий правителя развивается и система экстрасоматических составляющих харизмы, формирующих своеобразный дискурс, включающий широкий набор знаков (печать, монограмма, изображение на медальоне или монете, церемониальная одежда, ритуальные пространства и т.д.). Происходит формирование новой семиотической системы, основанной на репрезентации власти, сопровождающееся постепенным ослаблением биологической релевантности актов ее отправления. Если вновь обратиться к терминологии М. Вебера, наполняя ее семиотическим контекстом, можно сделать вывод о том, что переход от харизматического типа господства к традиционному (прежде всего, патриархальному) типу сопровождается постепенным отделением феномена власти от ее физического носителя, т.е. объектом почитания становится не столько харизма конкретного лидера, сколько сам институт власти.

Ситуации, при которых власть может осуществляться вне присутствия самого носителя власти (например, когда уполномоченное лицо действует «именем короля») приобретают системный характер.

Семиотическая составляющая власти правителя усиливается, что находит выражение в развитии ряда специфических правовых концептов, подобных понятию т.н. «королевского мира», т.е. специфического правового режима, который распространяется не только на личность, но и на территорию, на которой находится король. Правитель исполняет функцию семиотического медиатора (символического посредника в ситуации конфликта), обеспечивающего ослабление биологических аспектов акта отправления правосудия, что подтверждается его правом на получение части выплаты (штрафа в пользу правителя как носителя и гаранта «королевского мира») со стороны осужденного.

Параллельно с этим фиксируется усиление биологической релевантности (от нанесения физических увечий до причинения смерти) мер ответственности за преступления, направленные против правителя и его полномочий, которые в семиотическом плане представляют собой нарушение семантических связей формирующегося политического дискурса. Это позволяет предположить следующую семиотическую закономерность, действующую в рамках семантического (символического) типа культуры: степень биологической релевантности политического знака, обладающая отрицательной корреляцией со степенью операционности данного знака, прямо пропорциональна степени семиотической дискретности мер правовой ответственности, направленных на сохранение семантической целостности данного знака.

Выявленная закономерность находит подтверждение при рассмотрении следующего в эволюционном ряду патримониального типа господства, в рамках которого получает развитие правовая доктрина «преступного умаления величия» (*crimen laese maiestatis*). Для данной доктрины характерен максимальный уровень абстракции, когда преступление может совершаться не против биологического носителя власти, но против знака (например, осквернение изображения императора или подделка монеты), что рассматривается как умаление величия власти и влечет за собой столь же тяжелые правовые последствия для обвиняемого. Таким образом, выявленная инверсия принципа семиотического ослабления признака, представляющая в рамках принятой исследовательской программы эмпирическую аномалию, не выходит за рамки защитного пояса, и объясняется нами с помощью вспомогательной гипотезы о наличии специфических семиотических закономерностей, действующих в рамках семантического (символического) типа культуры.

Список литературы

1. Вебер М. Типы господства [Электронный источник]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 03.04.2016).
2. Левицкий В. В. Семасиология. Винница, 2006. 512 с.
3. Проскурин С. Г. Эволюция права в свете семиотики // Вопросы филологии. М., 2010. № 3. С. 106-111.
4. Санников С.В. Развитие представлений о преступлениях против королевской власти в раннесредневековой германской правовой культуре // SCHOLE (СХОЛЭ). Т.4. Вып.1.Новосибирск, 2010. С.78-100.
5. Санников С.В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: методологические пролегомены // SCHOLE (СХОЛЭ). Т.8. Вып.2. Новосибирск, 2014. С.378-398.
6. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971. 167с.